

Культурное разнообразие в современном мире

Светлана ВИНОГРАДОВА, профессор СПбГУ

Исследователь, который обращается к вопросам взаимодействия и взаимовлияния масс-медиа и культуры, неизбежно наталкивается на несколько подводных рифов. Один из них - укоренившееся в обыденном сознании представление о том, что понятие "культура" включает в себя исключительно сферы образования, науки и искусства. Когда-то очень популярный, а нынче исчезающий со страниц наших газет стереотип "культурный человек" как раз и подразумевал джентльменский набор качеств, предписывающий обязательность посещения филармонии, театра, кино, библиотеки. Журналисты старшего поколения, видимо, помнят когда-то бытовавшее во многих редакциях несколько скептическое отношение к сотрудникам отделов культуры. Сегодня даже среди ученых-обществоведов мы можем встретить тех, кто считает, что культура находится если не в подчиненном положении у политики, то, по крайней мере, значительно уступает ей в степени влияния на социум. Не меньше проблем возникает и при выяснении того, что есть цивилизация... Поэтому, хотелось бы сразу обозначить то содержание, которое вкладывают в понятия "культура" и "цивилизация" современные культурологи. По мнению специалистов, культура представляет собой всю совокупность материальных и духовных ценностей, созданных на нашей планете и образующих ее "вторую природу". Она всегда обращена к человеку и реализуется в области его отношений с естественной средой, другими людьми и самим собой (Культурология.- М., 1983. с.14). Собственно, индивид воспринимает мир не иначе как сквозь призму культуры и действует, в большей или меньшей степени вбирая в себя ее богатство. Цивилизация как определенный уровень развития культуры рассматривается и в качестве пространственно-временного среза ее функционирования (Культурология.- М., 1983. с.20-25).

Уже сами эти определения говорят о чрезвычайной сложности, многоаспектности и противоречивости обозначенных феноменов: культура пронизывает всю нашу жизнь. Пожалуй, это и есть второе кольцо рифов на пути теоретиков и практиков журналистики. В исследовательской литературе по проблемам СМИ встречаются словосочетания "социология журналистики" и "политология журналистики". Мы не призываем сформировать по аналогии новую отрасль знания, именуемую культурологией журналистики, но углубленный анализ культурно-цивилизационного контекста функционирования СМИ, на наш взгляд, актуален и необходим. В равной степени представляется важным и нужным развертывающийся в обозначенной области постоянный обмен мнениями между исследователями журналистики и работниками прессы. К сожалению, требования рынка, с одной стороны, и - с другой стороны - самодостаточность (если не сказать самоуверенность) журналистов не всегда позволяют им остановиться, оглянуться, задуматься о глубинных пластах действительности, о том, что называется объективными тенденциями и закономерностями ее развития.

Применительно к предмету нашего разговора следует заметить, что схематичность, упрощенность и сенсационность просто опасны в ходе освещения вопросов культурного и особенно этнокультурного многообразия. В пособии, подготовленном в рамках межрегионального проекта, осуществленного в 2000-2001 гг. Национальным институтом прессы (Москва) и посвященного роли журналистики в распространении идей этнической толерантности (руководитель - В.К. Малькова, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, региональные координаторы - Т.В. Сапункова, главный специалист Центра общественных связей Администрации Самарской области, а также автор данной статьи), были приведены заголовки

"этнических" публикаций центральных и местных газет. Вот лишь некоторые из них (полагаем, что комментарии здесь излишни): "Незванных гостей в Москве становится все больше", "Жидов побили. Россию не спасли. Депутаты "пробуются" на роли черносотенцев", "Враждующие кавказские группировки вырезают детей-свидетелей", "Враг ты мой кавказский... Российская молодежь ненавидит чеченцев и ласкает украинцев", " "Зенит" покупает черную икру. И темнокожего форварда" (Пресса и этническая толерантность. // Пособие для журналистов/Автор-составитель и ответственный редактор Малькова В.К. - М., 2000. с.23-38, 213).

Наряду с недооценкой цивилизационно-культурных аспектов современного развития сегодня мы сталкиваемся с явным стремлением и ученых, и журналистов чрезмерно акцентировать роль этнокультурных и этноконфессиональных факторов в возникновении и разворачивании конфликтов (как на внутрисударственном, так и на внешнеполитическом уровнях). То есть, мы имеем дело со своего рода культурно-цивилизационной упаковкой политико-экономических коллизий и столкновений. Возможно, это четвертый, но далеко не последний из риффов, о которых мы с вами уже говорили. Так, в ходе реализации проекта, посвященного проблемам толерантности в СМИ, было выявлено, что рассмотрение этничности как тревожного, конфликтного явления достаточно типично для Москвы и Санкт-Петербурга. В августе 1999 г. в ряде газет разворачивание этнической темы шло преимущественно в контексте военной проблематики. Апрель 2000 г. также продемонстрировал, что среди всех видов культурного взаимодействия в публикациях на этническую тему был представлен, в основном, конфликт, а не сотрудничество или содружество. Это заключение не противоречит и самарскому исследованию (Пресса и этническая толерантность. с. 163-252.).

Далее, находясь в отсеке сегодняшнего дня, трудно проследить историческую динамику, свойственную объективным процессам культурной интеграции и дифференциации, а также и их отражению в человеческом сознании. Это еще один камень преткновения. Как мы уже отметили, существуют определенные, научно выявленные механизмы взаимодействия культур, на каком бы уровне оно не осуществлялось (на цивилизационном, межгосударственном или национальном). Обращение к крупным отрезкам времени убедительно демонстрирует, что действие этих механизмов создает внутри культуры или культур постоянную пульсацию центростремительных и центробежных сил, находящихся в единстве и в противоборстве. Это движение к центру и от центра, к объединению и к разъединению, к выявлению общего и отличного, видимо, началось еще на заре цивилизации. Тогда же начали формироваться и стереотипы восприятия иного человека, чужого. Для обитателей Древнего Египта он был не человеком, нелюдь. Но, в то же время, существует древнеегипетский текст, где нещадно критикуется автор, составивший искаженное и неточное описание ряда соседних земель. Тому, в чьих жилах текла варварская кровь, трудно было добиться славы в Древней Греции. Значительно позднее, с развитием антропологической революции возникает представление (в значительной степени идущее от немецких ученых) о том, что иное, непривычное, чужое не менее очеловечено, чем привычное, свое. К этому времени история уже "выбросила" в мир две великие объединяющие идеи: возрожденческую, восстанавливающую протяженность, непрерывность развития культуры в пространстве-времени, и просветительскую, утверждающую равенство всех людей в разуме (не случайно Просвещение приобрело форму интернационального интеллектуального движения и охватило не только страны Запада, но и Восток). Мир, казалось бы, готов был возликовать в радости всеобщего единения. Но этого, как известно, не произошло. В XIX в. возникают теории, адепты которых провозглашают наличие лидирующей цивилизации, имеющей право продвигать себя любыми способами, в том числе политическими, колониальными. То же XIX столетие становится свидетелем возникновения научных школ, заговоривших о

сосуществовании различных цивилизаций, живущих рядом и имеющих одинаковое право на существование: так, автономные культуры, наличествующие в мире, призывает различать Н. Данилевский.

Разнообразие воззрений увеличилось в XX в. Продолжает развиваться идея многообразия культур (например, у А. Тойнби), получают широкое распространение концепции культурного шока, где фиксируется потеря ориентации человека в чужой культуре, выдвигается популярная ныне точка зрения С. Хантингтона о столкновении цивилизаций, о возникновении линий будущих конфликтов там, где проходят цивилизационные разломы. После событий 11 сентября 2001 г. она была подхвачена многими и получила поддержку СМИ (пожалуй, только некоторые из видных политических деятелей Германии заявили, что взрывы в Нью-Йорке не являются следствием войны цивилизаций). Отзвуки идей Хантингтона возникают в отечественной прессе в контекстах, порой неожиданных. Так, в номере за 2002 г. ингерманландского журнала "Соседи", издающегося в Санкт-Петербурге, напечатана статья А. Зубрицкого под названием "Ингерманландия - земля на границе двух цивилизаций". Ее автор упоминает о возможности политической реструктуризации Российской Федерации и "осуществления на этой основе еще одной попытки возврата утраченного доверия цивилизованного мира хотя бы к части обреченной на развал империи".

Ноосферная концепция культуры В. Вернадского приводит нас к заключению, что у сферы разума, у той оболочки Земли, которая порождена культурной деятельностью человека, действительно нет перегородок.

В контексте этих рассуждений представляется важной мысль М. Бахтина о диалоге культур. В высказываниях отечественных и зарубежных авторов звучит тревога по поводу того, что под воздействием глобализации происходит культурная унификация, "макдональдизация", охватывающая практически весь земной шар. Подобная усредненность, выравнивание ведет к исчезновению очагов культурной самобытности, следовательно, лишает человечество важнейших источников развития.

Такой "разброс" мнений вряд ли можно рассматривать как результат чисто умозрительных заключений. Скорее всего, в нем отобразилось реальное многообразие действительности и возможных прогнозов его будущего.

Таким образом, пульсация притяжения-отталкивания в сфере культурного взаимодействия протекает на фоне развертывания множества тенденций, в которых пока еще трудно найти единственную, определяющую. Означает ли это, что все компоненты культуры вовлечены в некое хаотическое, беспорядочное движение, равнозначное топтанию на месте? Или уже можно отследить хотя бы пунктирно намеченную его направленность?

Результаты ряда социологических исследований, проведенных в целях выяснения направленности изменений ценностных ориентаций в тех или иных цивилизационно-культурных ареалах, объединенных общей историей, а также общими компонентами религиозного сознания, продемонстрировала наличие повсеместного, неуклонного дрейфа во вполне определенную сторону. Скорости и векторы этого дрейфа в разных странах и регионах неодинаковы, по-разному они представлены в отдельных социально-демографических группах (мировосприятие молодежи отличается от взглядов на жизнь старшего поколения; неодинаково строится ценностная шкала у богатых и бедных), находясь в очевидной зависимости от особенностей политики, экономики и культуры. Еще раз следует подчеркнуть, что далеко не последнее место в этом процессе занимают аспекты этноконфессиональные, зачастую существующие уже в снятом виде. Кто-то явно находится в лидирующей группе - например, Швеция. Кто-то существенно отстает - например, многие государства Африки.

Общее направление движения заметно: в сознании людей все активнее утверждаются модернистские и постмодернистские ценности и нормы. Не вдаваясь в подробный анализ феномена постмодернизма и его влияния на сознание наших современников, остановимся на одной из его ипостасей. Ценности выживания в условиях борьбы за кусок хлеба (подчеркиваю, они еще не сняты с повестки дня для большей части населения планеты, и нищета все еще продолжает оставаться взрывоопасной!) постепенно уступают место тем, которые связаны со стремлением к самовыражению, самости, с выявлением и проявлением своего "я" в тех или иных виртуальных формах. И эта самоактуализация происходит одновременно с формированием толерантного отношения к другим, в том числе, к представителям иных цивилизационно-культурных общностей. Возникает ощущение, что мы, наконец, достигли искомой гармонии между центробежными и центростремительными силами, причем на достаточно глубоком уровне, на уровне психики: ценности и нормы - важнейшая составляющая личности человека. Всем остальным осталось только догнать идущих впереди. Но тут нас ждет новое препятствие.

Наряду с уже отмеченным однонаправленным движением, социологические исследования продемонстрировали очевидный откат в сторону ориентации на традиционалистские ценности, обнаруженный в некоторых странах и регионах. С этим феноменом столкнулась и Россия. Это объяснимо и с политической, и с экономической точек зрения, и с точки зрения логики вызова-ответа, согласно которой, по мнению исследователей, осуществляется развитие общества. На наш взгляд, целесообразнее рассмотреть и другие, не менее серьезные факторы, препятствующие внедрению и, соответственно, безоговорочному принятию тех или иных культурных образцов. Один из них - сопротивление ядра отличительной культуры, как раз и включающего в себя те ценности и верования, без которых любая цивилизационно-культурная общность существовать не может.

Если говорить о ситуации, сложившейся в нашей стране в конце XX столетия, то мы увидим отчетливо проявившееся в общественном мнении стремление к выявлению и выделению национально-индивидуального, к выражению своего "я" в этноконфессиональном контексте.

Множество подтверждений содержится и в текстах масс-медиа. Сколько за последние годы появилось публикаций о возрождении Храма (в прямом и переносном содержании слова), о возвращении некогда поруганной памяти, об уважении к языку, о сохранении компонентов менталитета, которые отличали и продолжают отличать ту или иную национально-культурную общность. Не случайно бытует мнение, что отечественный постмодернизм носит... ностальгический характер. Возникает любопытное противоречие. С одной стороны, мы (не без активного участия средств массовой информации) все сильнее втягиваемся в рыночные отношения, "взрывая архаичность", с другой - пытаемся вернуться в какую-то исходную точку прошлого, тем самым ликвидировав практически реализованное и исторически обусловленное прерывание постепенности в эволюционном развитии как России в целом, так и проживающих в ней народов.

Если обратиться к другим аспектам усиления позиций традиционализма, в частности исламского, то они часто трактуются как неизбежная реакция на мощную волну внедрения западных ценностей и образа жизни под влиянием глобализации. Тут мы снова сталкиваемся с парадоксом: антиглобализм в сегодняшнем его выражении наиболее интенсивно проявляется именно в странах Запада, в частности Западной Европы.

Находясь в этой крайне противоречивой реальности, очень важно понять:

- в какой точке движения маятника мы находимся, какая из сил - центробежная или центростремительная - сейчас превалирует в сфере культуры (сколько раз обсуждался на страницах печати, в радио- и телепрограммах вопрос поиска и определения национальной идеи; помнится, даже объявлялось нечто вроде конкурса среди читателей, предлагавших свои варианты этой идеи, но признаемся, что пока ощутимых результатов нет);
- актуален ли нынче разговор об интегративных, объединяющих началах в условиях, когда под угрозой оказывается именно культурное многообразие, когда кризис идентичности охватил многие страны мира, в том числе относящиеся к разряду благополучных;
- какой смысл мы вкладываем в понятие "интегративные начала".

Вряд ли на все эти вопросы можно ответить в рамках одной статьи. Но хотя бы некоторые комментарии постараемся сделать. Опыт тоталитаризма и страх перед глобализмом привел к тому, что само понятие объединения стало "обрастать" исключительно негативными коннотациями. В качестве примера приведем фоторепортаж Д. Медведева, текст к которому написан А. Наумовым. Материал опубликован в петербургском "Часе пик" (№38, 19-25 сентября 2001 г.). Речь в нем идет о музейной экспозиции, посвященной... тюрьмам, застенкам, пыткам, которым (хочется сказать - когда-то) подвергали инакомыслящих. Пафос комментария, сопровождающего весьма мрачные иллюстрации, сводится к тому, что единство через принуждение способно привести всех нас к новому средневековью.

Не могут не вызвать определенной настороженности попытки использовать в качестве объединяющего фактора образ общего врага (хотя такие прецеденты в истории встречались неоднократно: национальное самосознание зачастую формировалось в процессе отторжения иного, чужого, враждебного). Опять обратимся к отечественной прессе после событий 11 сентября. Номер "КП" 25 сентября открылся шапкой, выполненной в печально известном стиле "дрова" и гласящей: "Лик дьявола над Нью-Йорком и другие мистические совпадения будоражат неокрепшие умы людей, напуганных трагедией в Америке". Здесь же помещено весьма туманное изображение, отдаленно напоминающее контуры лица, возникшего в момент взрыва небоскребов, и не менее смутная картинка кого-то летящего. Как значится в тексте, сопровождающем иллюстрации, это "фигура ангела, парящего над потрясенным американским городом или улетающего из него". Другие первополосные заголовки сообщают нам, что "Детские сады косит дизентерия", замечая, что в противостоянии вирусному гепатиту все же остался шанс выжить - "Вирусный гепатит... Выстоять и победить!", и, наконец, объявляют, что "В облаке дыма над горящим Всемирным торговым центром некоторые впечатлительные натуры увидели лик Сатаны". Далее, газета переводит информацию о событиях в нашей стране и за рубежом на язык символов, распространенных в Интернете, пытаясь предсказать будущее. Мы видим "угрозы", надвигающиеся на мир. Они представлены в виде известных символов, среди которых полумесяц, шестиугольная звезда, серп и молот, череп и кости, бомба. Не будем вдаваться в подробный анализ того, как эта символика влияет на сознание и подсознание читателя. Очевидно, что нагнетается страх и неуверенность перед почти мистической силой международного терроризма, готовой все смести на своем пути... Наличие общего врага создало новые координаты поиска друзей. Однако спустя несколько месяцев, в дни зимней Олимпиады (во многом благодаря шумихе в СМИ) в разряд общего врага чуть было снова не попала ставшая нам другом Америка - воистину, манипулятивные возможности масс-медиа безграничны.

Означает ли все это, что процессы дезинтеграции как вызов порожденным различными

причинами тенденциям унификации, усреднения, обезличивания культуры преобладают сейчас и останутся определяющими в обозримом будущем? Не окажется ли, что на долю журналистов, находящихся в замкнутых пространствах собственных национальных общностей, выпадет миссия беспристрастно фиксировать факты, характеризующие эти процессы, и ждать, пока циклически-реактивное время само не переместит маятник в сторону усиления сотрудничества и интеграции? Скорее всего, этого не произойдет - в силу активности человеческой воли. В таком случае, что явится основой различных интеграционных процессов? Какая идея? В чьих руках она окажется? В каких целях будет использована? Не исключено, что в наше время, когда идеи и практика политического реализма явно преобладают, решающим фактором интеграции вновь окажется сила.

Вот здесь как раз и хотелось бы вернуться к концепции диалога культур. Петербургский ученый, автор трудов по проблемам эстетики и философии культуры М. Каган полагает, что человечество приговорено к диалогу. Конечно, мы готовы подвергнуться суровой критике со стороны тех же адептов реалистической линии в политике за проповедь утопии в духе кантианского вечного мира. Но в данном случае мы выступаем в поддержку расширения взаимодействия, сотрудничества и содружества различных национальных культур посредством конструктивного диалога в средствах массовой информации, который ведется на основе признания и уважения их самобытности. Именно это мы имеем в виду, когда говорим об интегративных процессах в области культуры. И хотя понятие общечеловеческих ценностей, с нашей точки зрения, все больше и больше превращается (опять же не без помощи СМИ) в расхожий стереотип и, к сожалению, в предмет многочисленных политических спекуляций, без обращения к ним нам не обойтись. Основываясь на простом здравом смысле, даже не предпринимая попыток преодолеть в своих оценках уровень обыденного сознания, мы можем заключить, что есть множество гуманитарных и социальных проблем, способных объединить людей, принадлежащих к самым разным культурным общностям. Человеческий смысл событий и явлений обладает огромным интегрирующим потенциалом.

Наша журналистская практика - в лучших ее образцах - располагает опытом глубокого раскрытия этого человеческого смысла и содержит примеры развертывания конструктивного диалога, содействующего формированию толерантного демократического общества. Напомним, что участники уже упоминавшегося нами проекта, посвященного проблемам этнической толерантности в СМИ, выделили в качестве наиболее положительных следующие черты проанализированных ими газетных материалов:

- актуальность, новизна и гражданское звучание;
- умение журналистов подмечать и отображать как социально типическое, так и индивидуальное, не подчиняющееся штампу, шаблону, привычному, но отнюдь не всегда правильному, представлению о национальных чертах тех или иных народов.

В поле зрения исследователей тогда же оказался рассказ петербургской журналистки Э. Беленковой о том, как в восстановлении Кафедрального собора в Калининграде принимали участие представители разных национальностей и вероисповеданий (Санкт-Петербургские ведомости, 21 августа 1999 г.). Невольно вспоминается кантовский категорический императив, базирующийся на библейской мудрости и постулирующий нравственную необходимость поступать с ближними так, как ты хочешь, чтобы они поступали с тобой...

Не менее значимо в интересующем нас аспекте сотрудничество российских и эстонских журналистов. Показательно название Международного семинара, состоявшегося в

Санкт-Петербурге в декабре 2001 года: "СМИ стран Балтии: навстречу мультикультурному и толерантному обществу". Принятое в ходе его работы заявление гласит: "Участники семинара полагают, что объединение усилий журналистов стран Балтии, возрождение творческих и дружеских контактов между ними, обмен опытом развития как прессы, так и журналистских корпораций будет служить развитию толерантности, укреплению связей между странами" (Средства массовой информации стран Балтии: навстречу мультикультурному и толерантному обществу. - СПб., 2002. с. 86.). По мнению петербургского журналиста и политолога И. Михальченко, после распада СССР бывшие союзные республики столкнулись с проблемами информационной разобщенности и даже изоляции различных этнических групп, приобрел чрезвычайную остроту вопрос взаимодействия коренного населения и русских жителей новых государств, в частности государств Балтии. И. Михальченко приводит данные социологических исследований, которые указывают на то, что реализация модели "два общества в одном государстве" применительно к условиям современной Эстонии повлечет за собой негативные последствия, что информационная и культурная разрозненность общества затормозит экономическое развитие и процессы европейской интеграции. Автор подчеркивает, что Государственная программа "Интеграция в эстонском обществе в 2000-2007 гг.", во многом затрагивающая деятельность в информационной сфере, нацелена на формирование в стране мультикультурного и мультинационального общества (Михальченко И.А. Два общества в одной стране как угроза национальной безопасности: информационный аспект// Межрегиональная конференция "Информационная безопасность регионов России. ИБРР - 2001. Санкт-Петербург, 26-29 ноября 2001 года. Материалы конференции. СПб., 2001. с. 19-20).

Прежде чем завершить статью, высветим вкратце еще один аспект, касающийся проблемы взаимодействия культур и добавляющий дополнительные штрихи, необходимые для более полного уяснения роли и места современной журналистики в этом процессе. Ценный материал для этого дают нам кросскультурные проекты, выполненные исследователями журналистики из Санкт-Петербурга и стран Северной Европы под руководством ученых Стокгольмского университета. Так, шведские авторы, изучая газетный дискурс в его вербальной и визуальной форме (содержание понятия "дискурс" обычно трактуют как текст, обозначающий всю среду сложной смысловой культуры, в которой существует человек, и как текст, создающийся в ходе социальной деятельности, отражающий ее и одновременно продуцирующий действительность), пришли к следующему выводу. По их мнению, любое национальное государство образует естественное пространство, где функционирует журналистика, обладающая своими специфическими характеристиками и проводящая в жизнь идею диалога между различными группами, составляющими национальный общественный организм. Одновременно они обращают внимание на тот очевидный факт, что глобализация, затронувшая сферу масс-медиа, оказывает существенное (и не всегда позитивное) воздействие на национальные системы средств массовой информации (Более подробно об этом см. в книге: Беккер К., Экекранц Я., Олссон Т. Изображая политику. Визуальное и текстуальное в отражении современности в шведской прессе. Стокгольмский университет, 2000. 220 с. На англ. и шведском языках.). В таком случае, возможно, просто целесообразнее признать, что резервы национально-культурного разнообразия в области СМИ полностью исчерпаны, и смириться с этим? Рассматривая вопросы, связанные с традиционным для проекта исследованием содержания СМИ различных стран (круг этих стран расширяется, в него входят, помимо Швеции, Дания, Россия, Финляндия, Эстония; в семинарах, организованных в рамках проекта, принимали участие также представители Великобритании, Исландии, Норвегии, США), ученые отметили такой момент: при наличии несомненной общности в выборе приоритетных тем, волнующих всех сотрудников СМИ, независимо от их государственной принадлежности, разработка этой универсальной проблематики несет на себе серьезный отпечаток традиций той или иной страны, общей и журналистской

культуры. Один из руководителей проекта, шведский автор Я. Экекранц, склоняется к мысли о том, что масс-медиа в условиях современности - это гибрид национального и глобального, что в отдельно взятых странах пропорции того и другого опять-таки неодинаковы, что к идее детерриторизации информации надо относиться с большой осторожностью (более детально ознакомиться с результатами, полученными в ходе реализации проекта, можно в ряде публикаций) (Корконосенко С.Г. Журналистский дискурс в пространственно-временной динамике // Русская журналистика от "Колокола" до СПИД-инфо. Екатеринбург, 1996.; Виноградова С.М., Корконосенко С.Г. Сравнительный российско-шведский анализ прессы // Журналистика на пороге XXI века: исторический опыт, современное развитие. Владикавказ, 1997; Виноградова С.М., Корконосенко С.Г. Масс-медиа в социально-политическом пространстве (Россия и скандинавские страны // Компаративистика. Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. СПб., 2001. С. 272-271.).

Таким образом, то, что мы очень условно назвали пульсацией различных тенденций, присущих сфере взаимодействия культур, продолжается. Значит, есть движение, есть жизнь. А каждый шаг навстречу друг другу требует большого труда и искреннего желания понять существующее рядом с тобой иное.